

УДК 159.9.07

Макарова Елена Александровна

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технический перевод и профессиональная коммуникация,
Донской государственной технической университет
makarova.h@gmail.com

Осадчая Анастасия Вячеславовна

аспирантка,
Таганрогский институт управления и экономики
005.nastya@mail.ru

Elena A. Makarova

doctor of psychological sciences, professor, professor of department scientific and technical translation and professional communication,
Donskoy state technical university
makarova.h@gmail.com

Anastasia V. Osadchaya

graduate student,
Taganrog institute of management and economy
005.nastya@mail.ru

**КИБЕР-ВИКТИМИЗАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОДРОСТКОВ,
ОВЛЕЧЕННЫХ В КИБЕРБУЛЛИНГ¹**

**CYBER-VICTIMIZATION AND DEMOGRAPHIC
CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS INVOLVED
IN CYBERBULLYING**

***Аннотация.** Авторами доказано, что буллинг и виктимизация - это две стороны одной проблемы, они имеют многочисленные последствия для психологического здоровья и навыки социализации подростков, среди которых агрессия, тревожность, депрессия, желание остаться одному и даже суицид. Существует также связь между буллингом и аддикциями, с помощью которых подросток уходит от действительности. Кибербуллинг как разновидность буллинга, хоть и включает в себя те же факторы риска, отличается от традиционного использованием коммуникационных технологий, благодаря которым он переходит все границы и достигает жертву в безопасности дома. Те, кто пользуются телефоном и компьютером, никогда не чувствуют себя защищенными от киберхулиганов.*

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект №[18-29-22093](#).

Ключевые слова: буллинг, кибер-виктимизация, гендер, возраст, этническая принадлежность, виртуальное пространство, аддикции, агрессия, поведенческая модель, социальные навыки

Abstract. *The authors proved that bullying and victimization are two sides of the same problem; they have influence on the adolescents' psychological health and socialization skills, these include aggression, anxiety, depression, desire to be left alone and even suicide. There is also a connection between bullying and addictions, with the help of which the teenager departs from reality. Cyberbullying as a kind of bullying includes the same risk factors, but differs from the traditional one by the use of communication technologies, which helps it cross all boundaries and get the victim in the safety of his/her own house. Those who use a mobile phone or a computer, never feel protected against a cyber-bully.*

Keywords: *bullying, cyber-victimization, gender, age, ethnic origin, virtual space, addictions, aggression, behavioural model, social skills*

Введение. С начала 1970-х годов исследователи изучают непрерывно развивающееся явление буллинга в мире. Буллинг признан серьезной психосоциальной проблемой, обычно наблюдаемой в детском и подростковом возрасте. Развернутые исследования школьных издевательств носили психологический, социальный и педагогический характер, изучались также поведенческие последствия данного явления (Мальцева О.А., Вавренюк Е.А., Бай Е.А., Собкин В.С., Евстигнеева Ю.М.) [1; 2; 3].

Хотя теперь исследователи лучше понимают эту проблему, включая факторы и риски буллинга, способствующие нарушению психики и академического функционирования подростков и молодежи, вопросы предотвращения школьных издевательств и копинг-стратегии и преодоления их психологических последствий все еще подлежат детальному изучению и систематизации. Недостаточное внимание уделялось и жертвам буллинга, в то время как большинство исследований было направлено на изучение поведенческой модели буллеров, то есть, хулиганов и агрессоров. Буллинг и виктимизация имеют многочисленные негативные последствия для психологического здоровья и навыков социализации подростков, включая беспричинный гнев, тревогу, депрессию, уныние, желание остаться одному, избегать сверстников, попытки причинить себе физические увечья и даже совершить попытку самоубийства. В группу риска попадают подростки женского пола, дети, принадлежащие к национальным меньшинствам или имеющие низкий социо-экономический статус, страдающие избыточным весом, имеющие инвалидность, плохие социальные навыки и т.д.

Существует также прямая связь между буллингом и аддикциями, продиктованными настоятельной потребностью подростка спрятаться от реального мира; такие аддикции могут включать в себя все, начиная от приема химических препаратов, до полного погружения в виртуальный мир компьютерных игр.

Последние технологические достижения 21 века (сотовая связь, персональные мобильные устройства, интернет, небывалое развитие

социальных сетей) создали новые предпосылки для негативных отношений сверстников в школе и вне школьной среды. Кроме фактов, свидетельствующих о традиционных издевательствах и проблемах взаимодействия, которые испытывают подростки в школе или в среде внешкольных занятий (кружки, клубы, спортивные секции), в текущем исследовании рассматриваются индивидуальные психологические особенности, детско-родительские отношения и школьные факторы, связанные с усилением киберхулиганства, а также академические и поведенческие корреляты этой развивающейся формы социальной жестокости. Доказано, что жертвы кибербуллинга даже более склонны к самоубийству, чем жертвы физического или вербального насилия [4, с. 60-76].

В течение последнего десятилетия технология проникла в молодежную среду во всем мире. По последним данным, более 90% подростков, учащихся средней школы, ежедневно используют компьютер и 95% используют сотовые телефоны для того, чтобы общаться со своими друзьями и сверстниками [5].

Хотя преимущества инновационных технологий, включая распространение знаний по всему миру и быстрое общение между людьми, бесспорны, есть также и негативные стороны этого вполне прогрессивного явления. Поскольку, технология преобразует «среду» детских социальных взаимодействий из личной и реальной в социальную и виртуальную, кибербуллинг (то есть, издевательства с помощью электронных средств) стал не просто повседневной печальной реальностью, но непрерывно растущей формой социальной агрессии [6, с. 14-21]. Ранее мы уже отмечали, что подростки могут участвовать в буллинге или кибербуллинге в качестве жертвы, обидчика или наблюдателя, и эти роли могут меняться в зависимости от обстоятельств [7, с. 293-313]. Хотя пресса и средства массовой информации вывели кибербуллинг на первые полосы новостей общественной жизни, эмпирических исследований по этой теме пока еще немного [8; 9; 10]. Поскольку кибербуллинг все чаще признают качественно новой формой издевательства и запугиваний, характерной для больших организованных коллективов людей разного возраста (школа, армия, ВУЗ, офисы и учреждения), необходимо адекватное понимание характера издевательства и четкое определение данного агрессивного поведения. Традиционный буллинг, чаще всего, описывается как повторное (многократное) отрицательное воздействие (например, физический контакт, словесные нападки, умышленное исключение из сферы общения, изоляция), совершенное одним или несколькими лицами, намеренное причинение вреда или создание дискомфорта лицам, которые не могут себя защитить (Olweus, 1995) [11, с. 198].

Таким образом, буллинг зависит от дисбаланса сил, отношений, определяемых физической силой или социальным преимуществом (Wolke, Woods, Stanford, & Schulz, 2001) [12, с. 691]. Исторически сложилось так, что были выделены две основные формы буллинга: физический и

вербальный. Физический буллинг возникает, когда на жертву воздействуют физически (например, удары, побои, пощечины, толчки), тогда как вербальное насилие предполагает словесные оскорбления или насмешки и угрозы. Обе формы издевательства можно охарактеризовать как прямую агрессию. Совсем недавно признанной, но трудной для определения является третья форма буллинга – социальный буллинг, который является косвенной формой агрессии. Социальный буллинг включает в себя отрицательное использование равных отношений (это распространение слухов, социальная изоляция, исключение и отторжение) (Ostrov, Crick, & Stauffacher, 2006) [13]. Теперь, используя передовые технологии, вербальный и социальный буллинг нашли новое место в Интернет-пространстве.

Кибербуллинг был определен как негативные действия с использованием электронных устройств лицом или группой людей с целью причинить кому-то вред, унижить достоинство, нанести оскорбление, психологические травмы или увечья (Campbell, 2005; Мейсон, 2008; Smith et al., 2008) [14, с. 71], поэтому, подобно традиционному буллингу, кибербуллинг основан на систематическом злоупотреблении властью над другими людьми (Mason, 2008) [15]. Кибербуллинг, также известный как Интернет-издевательство, определяется как повторяющиеся агрессивные и враждебные сообщения, направленные посредством электронных средств массовой информации против жертвы, которая не может легко защитить себя (Hinduja & Patchin, 2009) [16].

В то время как физическая сила давала хулиганам несправедливое преимущество над их жертвами в прошлом (Nansel et al., 2001) [17], сегодня инновационные технологии в сочетании с анонимностью, предоставляемой электронными средствами связи, способствуют социальной агрессии и не требует ни особой физической силы, ни авторитета в социальной группе. Подобно традиционным издевательствам, кибербуллинг может принимать форму прямой или косвенной агрессии. Чтобы проиллюстрировать это, выявлено несколько видов поведения, которые можно классифицировать как кибербуллинг:

- 1) серия оскорблений, часто возникающих в социальных сетях (например, в чате);
- 2) повторяющиеся оскорбительные сообщения, передаваемые с помощью, например, электронной почты;
- 3) оскорбления, ложная и уничижительная информация, которую отправляют другим пользователям;
- 4) создание ложного профиля, с помощью которого хулиган «подставляет» жертву и от ее имени передает оскорбительные сообщения другим пользователям;
- 5) предоставление личной информации о жертве другим людям;
- 6) изоляция, отторжение, когда общение с жертвой избегают другие члены группы (например, в социальных сетях) [18].

Каждое из этих действий может быть выполнено посредством множества электронных коммуникационных модальностей, таких как текстовые сообщения, электронная почта или посты на сайтах.

Методы. Хотя кибер-хулиганы используют информационную среду, посредством которой они совершают негативные поступки, определение кибербуллинга в значительной степени напоминает традиционный буллинг. В обоих случаях:

1) отрицательные действия совершаются одним или несколькими участниками;

2) намеренно наносят вред или причиняют дискомфорт жертвам, которые

3) не способны защитить себя.

Однако на этом совпадения заканчиваются.

Обзор отечественных и зарубежных исследований показал, что в большинстве из них использовалась различная терминология для описания этого социального явления. Например, использовались следующие термины: кибербуллинг, электронное издевательство, интернет – издевательства, интернет – запугивания, интернет-домогательства, онлайн-домогательства и онлайн-виктимизации. В то время как термины со словами «Интернет» и «онлайн» используются для обозначения издевательств, которые происходят только с помощью компьютеров (например, электронная почта, социальные сети, обмен мгновенными сообщениями), «кибербуллинг» и «электронное издевательство» являются более инклюзивными конструкциями, включающими издеательства с помощью любой коммуникационной технологии (например, компьютеров, персональных мобильных устройств, сотовых устройств связи, обычных телефонов).

Определение традиционного буллинга подразумевает повторные акты агрессии против жертв (Vandebosh & Van Cleemput, 2008) [19], хотя исследователи, занимающиеся киберугрозами, часто признают, что «повторение» является важным компонентом этой конструкции. Большинство исследований, изучающих кибербуллинг, не включили его в свое определение и вместо этого ссылаются на «поведение, которое может включать в себя буллинг в Интернете, угрозы и нежелательные комментарии, сексуальные домогательства (Hinduja & Patchin, 2009) [16]. Не было сделано никакого различия между жертвой, получившей одно письмо с угрозами, и тем, кто получает электронные агрессивные сообщения ежедневно. В обоих случаях получатель сообщений будет классифицирован как кибер-жертва.

В работе использовались авторские методики, диагностика состояния агрессии (опросник Басса-Дарки), тест эмоций (тест Басса-Дарки в модификации Г. Резапкиной). В исследовании приняли участие 151 человек (118 девочек и девушек и 33 мальчиков и юношей) – школьники средних школ №30, 33 и 27 г. Таганрога и студенты СПО и 1 курса обучения Таганрогского института управления и экономики. В нашем исследовании (2017-2018 г.) 93% подростков, испытавших кибер-виктимизацию (даже

один инцидент), считали, что опыт отрицательно повлиял на них (например, «вызвал депрессию и / или неуверенность в себе, нежелание ходить в школу и общаться со сверстниками»). Чтобы еще больше усложнить измерение данного явления, мы рассматривали время, в течение которого респондент испытывал на себе кибербуллинг (в течение определенных периодов времени, таких как последние 2-3 месяца или в прошлом году, или 5 лет тому назад).

Как и для любых новых психологических явлений, быстро развивающихся, исследователи еще не установили стандартный принятый метод или измерительный инструмент. Вместо этого каждая исследовательская группа самостоятельно разрабатывает свой инструмент обследования для оценки кибербуллинга среди подростков и виктимизации, им вызываемой. За основу мы взяли традиционную шкалу Ольвеуса-Лайкерта, психометрическую шкалу, разработанную Р. Лайкертом в 1932 году (балльная оценочная шкала для каждого отдельного пункта) [20]. Для пилотного исследования мы выбрали те из определений кибербуллинга, которые включают в себя не только компьютер, но и другие средства связи, предполагают регулярность издевательств (например, по крайней мере, один или два раза в течение последних нескольких месяцев), и оценили примерно 2-3-месячный период времени. Утверждения в опроснике были непротиворечивы, просты в формулировках, однозначны для восприятия. Однако новизна построения такой шкалы для кибербуллинга и способность даже одного инцидента вызвать заметный дискомфорт и /или ухудшение психологического состояния респондента, привели к тому, что нами были использованы менее строгие критерии оценки (т.е. требующие, чтобы издевательство или виктимизация имели место не менее 2-3 раз в месяц для категоризации).

Возраст _____					
Пол _____					
В каждой строке только ОДИН вариант ответа.					
п/п	Вопрос	Очень часто	Иногда	Единжды или дважды	Никогда
.	Вас когда-нибудь запугивал одноклассник?				
.	Над Вами когда-нибудь издевались словесно?				
.	Над Вами когда-нибудь издевались физически?				
.	Вас когда-нибудь изолировали от социальной группы?				
.	Как часто Вы подвергались буллингу в				

	прошлом году?				
.	Как часто буллером был мальчик?				
.	Как часто буллером была девочка?				
.	Если Вы подвергались буллингу в школе, то было ли это с использованием электронных устройств связи? (телефон, и т.п.)				
.	Вам когда-нибудь приходилось менять свои планы из-за буллинга?				
0.	Вас когда-нибудь подвергали иным видам издевательств (объясните)?				
1.	Вам когда-нибудь придумывали обидные прозвища?				
2.	Вас когда-нибудь били, пинали или закрывали где-нибудь? (кабинет, туалет, др.)				
3.	О Вас когда-нибудь распускали нелепые слухи с целью дискредитации?				
4.	Отбирали у Вас деньги, вещи?				
5.	Принуждали Вас что-либо делать?				

Таблица 1. Пример анкеты для школьников.

Демографические характеристики участников кибербуллинга. Хотя кибербуллинг является новым и успешно развивающимся социальным явлением, большая часть исследований уходит корнями в традиционную литературу по издевательствам и школьной травле. Текущей целью нашего исследования были демографические характеристики тех, кто занимается кибербуллингом. В частности, в гипотезе нашего исследования предполагалось, что степень киберучастия будет отличаться в зависимости от возрастных, гендерных и личностных характеристик, ранее идентифицированных и описанных в работах [21; 22; 23].

Обширные исследования выявили гендерные различия в агрессивном поведении. Мальчики и юноши чаще становятся исполнителями и жертвами в прямых формах буллинга (например, физические издеательства), девочки и девушки чаще участвуют в вербальной и социальной формах буллинга

(изоляция, бойкот). Исходя из этих закономерностей и того факта, что инновационные коммуникационные технологии обеспечивают возможность словесной и социальной агрессии, исследователи предположили, что девочки более склонны стать жертвой, чем агрессором в кибербуллинге. Однако эта гипотеза не имела достаточных доказательств [24]. Хотя в большинстве исследований не были выявлены гендерные различия – девочки и мальчики с одинаковой вероятностью могут быть как жертвами, так и исполнителями, в нашем исследовании были обнаружены гендерные различия, различающиеся по типу участия (например, мальчики более склонны стать кибер-хулиганами, тогда как девочки чаще становятся жертвами в кибербуллинге) [25]. Изучение литературы, в том числе методологии исследований, не поясняет, почему так происходит. Приведенные в разных источниках гендерные выводы не соответствуют действительности и обнаруживают противоречивые результаты [26]. При анкетировании обнаружилось, что количество девочек в 6-8 классах было непропорциональным в разделах жертв и хулиганов. Наши результаты тоже показывали несоответствие результатов, что было трудно объяснить.

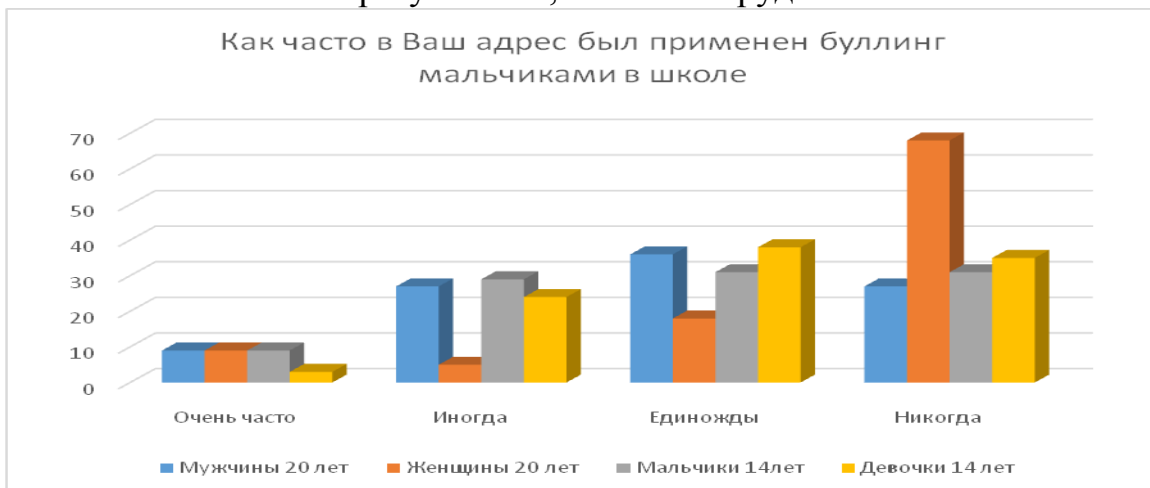

Рисунок 1

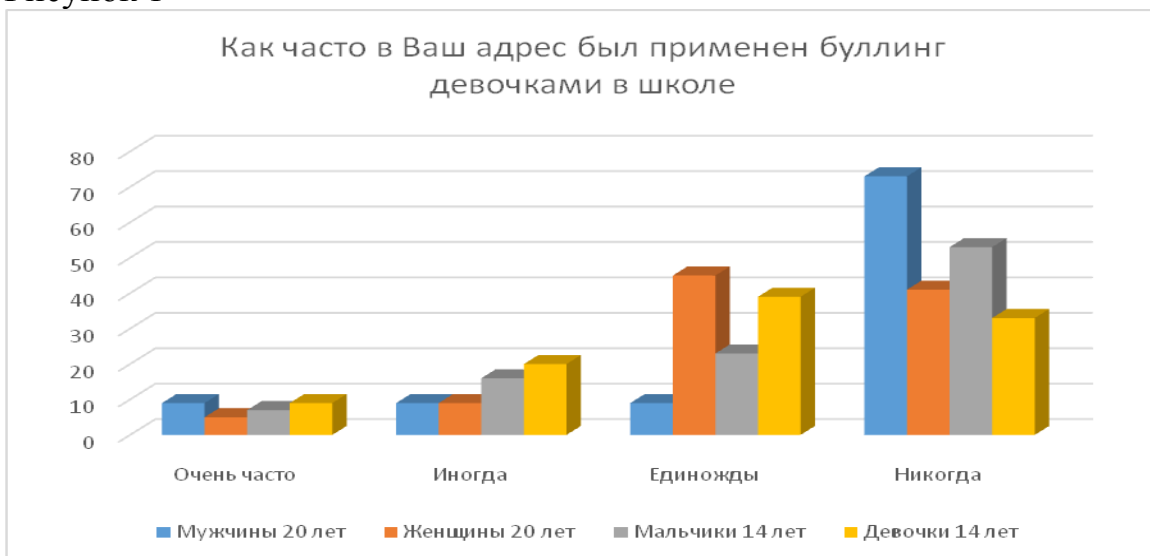

Рисунок 2

Однако эти результаты показывают, что гендерные различия могут, в частности, быть вызваны возрастом - гендерные различия исчезают среди опрошенных подростков старшего возраста. Возраст - это еще одна демографическая переменная, которая широко изучалась в исследованиях по буллингу и виктимизации. Существует мнение, согласно которому издевательства постепенно снижаются с возрастом, с максимальным уровнем участия среди учащихся средних школ (т. е. возраст 10-14 лет). Физические формы издевательства обычно уменьшаются по мере того, как подростки овладевают вербальными и когнитивными навыками. Издевательства, однако, не исчезают, а скорее становятся более изощренными и трудными для обнаружения, как в случае социального буллинга, поэтому тенденции распространения традиционного буллинга, скорее всего, отражают не только повышенную склонность детей младшего возраста к издевательствам над сверстниками (например, физическое или словесное издевательство), но также и проблемы с самоидентификацией, измерением степени издевательства и определением границ дозволенного. Следовательно, неудивительно, что возрастная тенденция для кибербуллинга прямо противоположна той, которую исследователи уже обнаружили в традиционном буллинге. Исследования доказали, что участие подростков в кибербуллинге, как правило, учащается с возрастом [27; 28]. Эта разница может отражать не только доступность коммуникационных технологий в подростковом возрасте, но также разницу в том, как выявляется динамика потребности в самоутверждении. Кроме того, чем старше подростки, тем охотнее они сообщают о своем участии в кибербуллинге: 8% в 7-м классе, 12% в 8-м и 9-м классах, 23% в 10-м и 11-м классах [29].

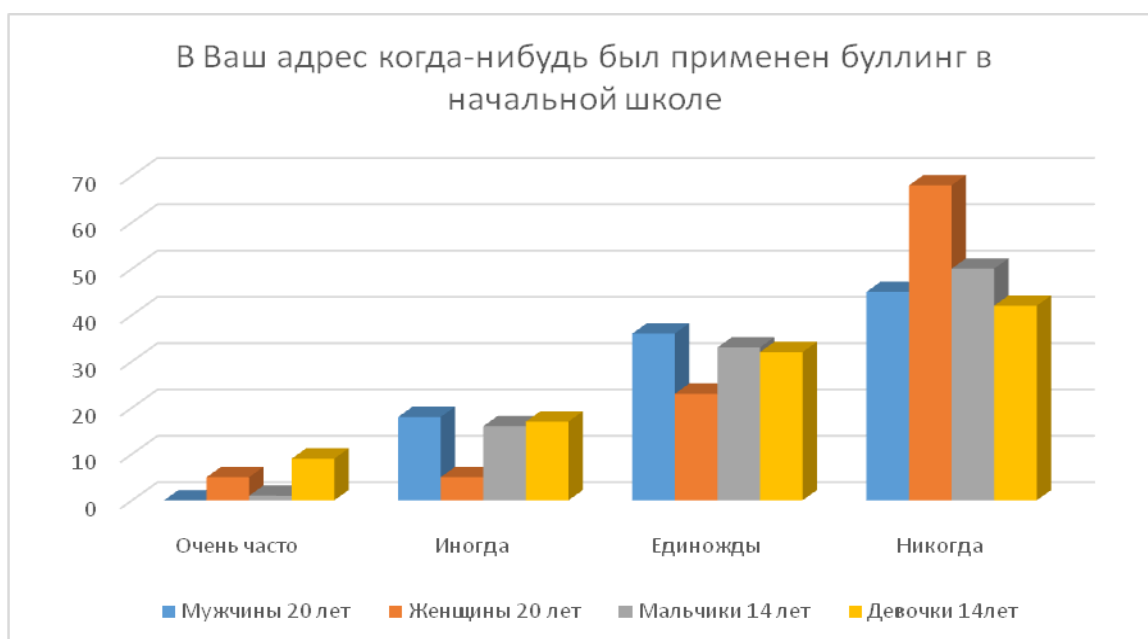

Рисунок 3

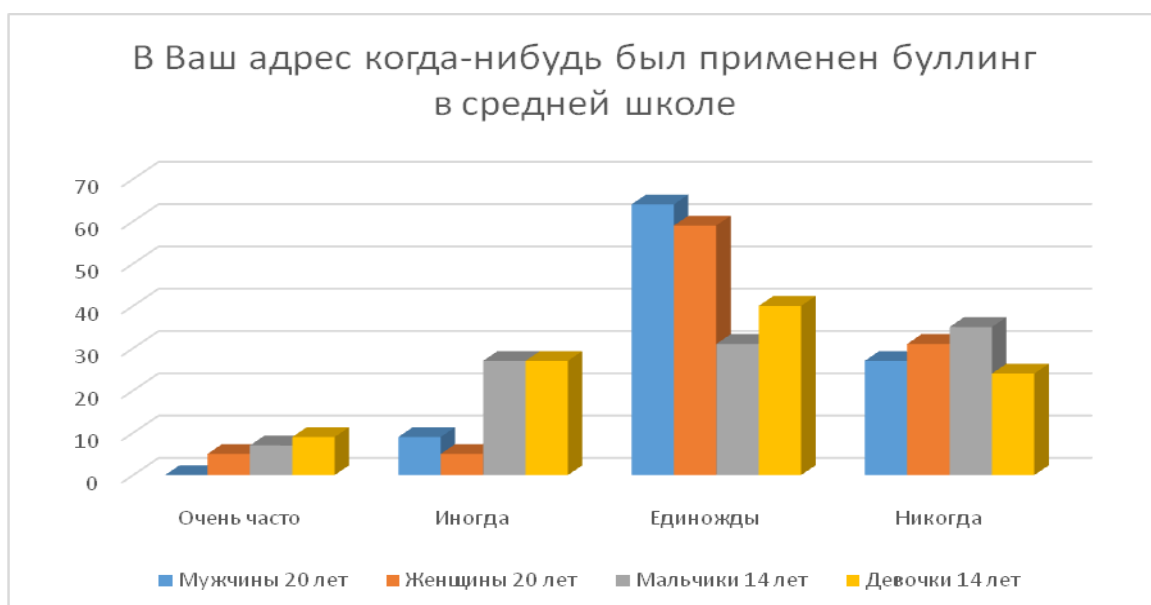

Рисунок 4

Результаты. Хотя расовая и этническая принадлежность играют определенную роль в некоторых случаях буллинга, было проведено сравнительно мало исследований для изучения расовых и этнических различий в буллинге и виктимизации. В ранних исследованиях этого явления совсем не рассматривались расовые и этнические различия из-за малой выборки. Однако результаты недавних опросов в США показали, что этнические меньшинства (например, чернокожие подростки или латиноамериканская молодежь) сообщают о расовой составляющей буллинга в школе [30].

Ограниченная исследовательская база и недостаток методологических обоснований не дают нам возможность заявлять, что нет расовых или этнических различий для молодежи, занимающейся кибербуллингом. В целом, необходимо признать, что традиционная литература по буллингу послужила основой для исследования кибербуллинга. В результате обобщения имеющихся результатов, были сформулированы гипотезы для исследования демографических характеристик молодежи и подростков, вовлеченных в кибербуллинг. В настоящее время опубликованные исследования выявляют противоречивые выводы о гендерных или возрастных различиях для молодежи и только одно исследование изучало расовую/этническую идентификацию среди вовлеченной молодежи, поэтому в нашем исследовании мы изучаем взаимосвязь между демографическими характеристиками молодежи и подростков, вовлеченных в кибербуллинг (пол, возраст и этническая принадлежность), и кибервиктимизацией, в целом, чтобы лучше понять, кто может быть включен в группу риска в этой новой форме социальной агрессии, чтобы в дальнейшем разработать целевые вмешательства, а затем реализовать их в учебных заведениях.

Индивидуальные характеристики. Предыдущие исследования показали, что

кибербуллинг является причиной ряда психологических, социальных и поведенческих переменных. Жертвы часто сообщают о симптомах депрессии, социальной тревоги и присутствии суицидальных идей. Они, как правило, страдают от плохой самооценки и обладают негативными познаниями о себе, своих сверстниках, социализации и дружбе. Буллинг также связан с внешним поведением (например, делинквентность), интернализацией бедствий (например, депрессия). Кроме того, многие исследования показали, что у жертв буллинга снижена способность к эмпатии, особенно, к эмоциональной эмпатии, что может быть связано с частыми и неслучайными физическими и социально-психологическими издевательствами [31].

Неудивительно, что новые данные свидетельствуют о том, что кибербуллинг связан со значительным стрессом и эмоциональным дискомфортом. Выяснилось, что жертвы Интернета, независимо от пола и возраста, в 2,5 раза чаще проявляли депрессивную симптоматику. Страдает также и чувство собственного достоинства личности, испытываемые, которые подвергались кибербуллингу, сообщают о низкой самооценке.

Согласно общенациональному опросу школьников, подростковая делинквентность, депрессивная симптоматика и употребление психоактивных веществ напрямую связаны с кибербуллингом [32]. Более того, по мере учащения актов издевательств значимость и интенсивность психосоциальных и поведенческих отклонений вовлеченной молодежи растет. Этот вывод согласуется с представленными данными о том, что частота традиционных притеснений в школе связана с проблемами психического здоровья; к их числу можно добавить депрессию, тревожность, психосоматические симптомы и, как результат, потребление алкоголя, ПАВ и суицидальное поведение.

Кроме того, история исследования кибербуллинга еще очень молода, поэтому важные переменные, ранее определенные в традиционном буллинге (обеспокоенность, чувство собственного достоинства, эмпатия) еще недостаточно исследованы в кибербуллинге, предстоит еще систематически оценить, как они связаны с кибервиктимизацией, чтобы продемонстрировать надежные результаты [33].

Воспитание. Семейные переменные, и в частности, методы воспитания, были последовательно связаны с буллингом. Было обнаружено, что семьи, в которых живут буллеры (хулиганы), демонстрируют более низкий уровень эмоциональной поддержки, проявляют больше негативного воздействия, показывают детям плохую модель поведения и общения с другими людьми, чем семьи детей, не вовлеченных в издевательства. Кроме того, подростки сообщают не только о низком уровне эмоциональной поддержки со стороны своей семьи, но и о несовместимых с воспитанием дисциплинарных практиках со стороны родителей.

Выводы показывают, что эти родители используют методы физической расправы для управления детским проблемным поведением, в

котором физическое наказание или словесные вспышки сопровождаются периодами игнорирования.

Таким образом, хулиганы могут использовать агрессивное поведение, моделируемое поведение, увиденное дома, в своих взаимодействиях со сверстниками, чтобы получить власть и контроль. Наконец, отсутствие родительского контроля часто связано с издевательствами и правонарушениями. Чем меньше родительский мониторинг, тем больше вероятность участия детей в буллинге и кибербуллинге. Это говорит о том, что большинство проблемных социальных отношений моделируются дома, отношения детей со сверстниками могут быть вызваны либо недостаточным уровнем обучения, либо социальными причинами, в частности, неспособностью и невозможностью обратиться к семье за поддержкой. С другой стороны, позитивные доверительные отношения между родителями и детьми могут снизить риск участия в буллинге и способствовать здоровым психологическим и социальным отношениям подростка в социальной среде [34; 35].

Обсуждение результатов. Независимо от того, как оценивается кибербуллинг, несколько различий были последовательно идентифицированы, когда контрастные характеристики кибербуллинга сравнивали с традиционными школьными издевательствами. К таким характеристикам относятся:

- возможность анонимности преступника;
- отсутствие социальных сигналов или прямой обратной связи от жертвы, чтобы смягчить поведение преступника, неотделимость жертвы от технологий, которые могут быть использованы для издевательства;
- широта аудитории (например, массовое сообщение может быть отправлено от анонимного пользователя электронной почты с фиктивным адресом) и отсутствие контроля и мониторинга в киберпространстве.

Однако в отличие от традиционного буллинга, который обычно происходит лицом к лицу с жертвой, кибер-хулиганам не нужен дисбаланс физической силы или социальной власти. Вместо этого они утверждают свое превосходство через компетентность в использовании инновационных технологий и способность скрывать свою идентичность. Анонимность Интернета способствует такого рода агрессии (например, временные учетные записи электронной почты, псевдонимы в чатах). Такая анонимность часто приводит к еще большему дисбалансу сил, чем это типично для традиционного буллинга, тем самым создавая более сильное и потенциально опасное воздействие на социально-эмоциональное благополучие жертв. Более того, анонимность устраняет социальные ограничения, которые могут влиять на индивидуальное решение участвовать в издевательствах и продолжать виктимизировать жертву. Анонимность часто дает подросткам возможность причинять боль другим, участвовать в действиях, которые в противном случае невозможны из-за страха перед прямой конфронтацией и ответственностью за содеянное. Кроме того, Интернет не дает необходимой социальной обратной связи, не показывает

эмоциональные реакции жертвы, кибер-хулиганы могут не понимать, что их комментарии были неуместными, оскорбительными или неверно истолкованными, и не могут полностью оценить их негативное воздействие на психику жертвы. Уменьшается страх возмездия за агрессивные действия.

В отличие от традиционных издевательств, которые обычно происходят в школьные часы и на территории школы или близлежащих территориях, кибербуллинг может возникать в любое время и в любом месте. Если раньше дети могли вернуться к относительной безопасности своих домов и квартир, чтобы избежать виктимизации, теперь они постоянно уязвимы из-за проникновения технологий во все сферы нашей жизни. Таким образом, кибербуллинг расширил охват социальной жестокости и степень виктимизации [36]. Новые технологии также расширили аудиторию, которая стала свидетелем (наблюдателем) издевательств. В то время как наблюдатели в традиционном буллинге были ограничены количеством подростков в школьных коридорах, столовой или ванной комнате, кибербуллинг достигает почти безграничного охвата аудитории в единый момент времени. Фотография, размещенная на веб-сайте с намерением унижить жертву на фотографии, мгновенно достигает аудиторию намного больше (сотни, в некоторых случаях тысячи), чем молодежь в одной социальной сети. В отличие от традиционного буллинга, где учителя и сотрудники школы могут, по крайней мере, теоретически и часто на практике контролировать деятельность своих учеников, в киберпространстве существует минимальный надзор. Некоторые сайты социальных сетей контролируют свои чаты в попытке отбирать информацию, представленную на их веб-страницах; однако их присутствие и надзор чрезвычайно мал. Кроме того, личное сообщение (например, текстовые сообщения, электронная почта) обычно просматривается только отправителем и получателем. Таким образом, ответственность лежит на родителях, которые обязаны следить за безопасностью своих детей в сети Интернета. Многие родители, однако, могут быть незнакомы с современными технологиями, и, более того, они могут быть не осведомлены о таких формах Интернет агрессии, как кибербуллинг.

Заключение. Исследования демографических факторов буллинга и кибербуллинга сами по себе не решают эту проблему, но полученная в ходе исследований информация поможет определить копинг-стратегии как в борьбе с самим явлением, так и с его психолого-социальными последствиями.

Большие размеры школ, отсутствие или недостаток надзора и несформированный школьный климат, который мог бы помочь нормализовать агрессию и девиантное поведение, влияют на увеличение буллинга. Хотя кибербуллинг обычно происходит за пределами школы, исследование отношений между школьными факторами агрессии и кибервиктимизацией необходимы, поскольку многие инциденты считаются продолжением традиционного буллинга или вызваны им, поэтому в дальнейших исследованиях мы будем продолжать исследовать оба явления

одновременно, хотя выводы по каждому из них могут отличаться. Планируется исследование, направленное на профилактику, выделение ключевых предикторов кибербуллинга. Как таковых, отечественных работ по исследованию кибербуллинга немного, однако, они изучают характеристики этих двух форм буллинга, чтобы лучше определить сходства и различия и систематически описать связанные с ними индивидуальные характеристики жертв и агрессоров, а также контекстуальные факторы. Эти явления настолько сложны, что их исследуют специалисты из разных областей знаний.

Среди отечественных социологических исследований, посвященных изучению влияния виртуального пространства на процесс социализации подростков, можно выделить работы В.С. Собкина и Ю.М. Евстигнеева, которые рассматривали значимость информационных технологий в структуре досуга и информационном пространстве подростка еще в то время, когда подростки делали первые шаги в освоении виртуального пространства [3].

Вопросами гендерных различий подростков в разных сферах занимались социологи и психологи одновременно [37]. Выражению подростковой сексуальности в Интернете также посвящены работы по психологии и социологии [38]. Разработанная модель профилактики буллинга подтверждает необходимость многоплановой профилактической работы с привлечением всех социально-личностных ресурсов жизни современного подростка, а также необходимость комплексного диагностического изучения всех субъектов образовательной среды, окружающих подростка в жизни. Безусловно, необходимы дополнительные исследования кибер-виктимизации, взаимосвязи различных факторов во всех категориях кибербуллинга.

Полученные в исследовании результаты позволят создать профилактическую программу, которая будет основана на копинг-стратегиях личности при психолого-педагогической поддержке коллектива, научно-обоснованная, спланированная и целенаправленная система мер, направленных не только на борьбу с последствиями буллинга\кибербуллинга, но и на предотвращение самих явлений буллинга и на профилактическую работу со всеми его участниками (буллерами, жертвами и пассивными наблюдателями).

Предварительная работа в средних школах г. Таганрога показала эффективность вмешательства, уменьшение физической и словесной агрессии, снижение враждебности и увеличение эмпатии, что способствует не только улучшению психического здоровья отдельных школьников, но и нормализации школьного климата в целом.

Целесообразно предположить, что подобные программы вмешательства могут быть использованы, чтобы уменьшить психологический дискомфорт и негативные симптомы у тех подростков, которые уже подверглись кибервиктимизации со стороны сверстников. Выводы, полученные в ходе работы в школах, проливают свет на важность

копинг-стратегий для профилактического проектирования программ по борьбе с буллингом\ кибербуллингом и предоставляют предварительные данные для использования подхода к кибервиктимизации с учетом гендерных аспектов и других демографических факторов как потенциально эффективный способ справиться с проблемами, вызванными кибербуллингом, и переживаниями детей и подростков по этому поводу.

Литература

1. Мальцева О.А. Профилактика жестокости и агрессивности в подростковой среде и способы ее преодоления / О.А. Мальцева // Тюменский государственный университет - 2009. - № 7. - С. 51-54.
2. Вавренюк Е.А., Бай Е.А. «Психологическое насилие в подростковой среде: проблема и способы решения». – Брест, БрГУ, 2012
3. Собкин В.С., Евстигнеева Ю.М. Подросток: виртуальность и социальная реальность. М.: Центр Социологии Образования РАО, 2001. Том VI. Выпуск X. 156 с.
4. Moore Sophie E., Rosana E. Norman, Shuichi Suetani, Hannah J. Thomas, Peter D. Sly, and James G. Scott. Consequences of bullying victimization in childhood and adolescence: A systematic review and meta-analysis. *World J Psychiatry*; 7(1): 60–76.
5. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат.сб./Росстат. - М., 2017 – 686с.
6. Williams, K. R., & Guerra, N. G. (2007). Prevalence and predictors of internet bullying. *Journal of Adolescent Health*, 41, pp14-21. doi:10.1016/j.jadohealth.2007.08.018
7. Макарова Е.А., Макарова Е. Л., Махрина Е. А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет – преступления. *Российский психологический журнал*. М. «Кредо», т.13 (3), 2016, сс. 293-313
8. Глазман, О. Л. Психологические особенности участников буллинга // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена*. – Санкт-Петербург, 2009. – № 105. – С. 159–165.
9. Гребенкин Е.В. Профилактика агрессии и насилия в школе.— Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.— 158 с.
10. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / Под. ред. Е.Н. Волковой. СПб.: Питер, 2008, 240 с.
11. Olweus, D. (1995). Bullying or peer abuse at school: Facts and intervention. *Current Directions in Psychological Science*, 4, 196-200. doi: 10.1111/1467- 8721.ep10772640
12. Wolke, D., Woods, S., Stanford, K., & Schulz, H. (2001). Bullying and victimization of primary school children in England and Germany: Prevalence and school factors. *British Journal of Psychology*, 92, 673-696. doi:10.1348/000712601162419
13. Ostrov, J. M., Crick, N. R., & Stauffacher, K. (2006). Relational aggression in sibling and peer relationships during early childhood. *Applied Developmental Psychology*, 27, 241-253. doi: 10.1016/j.appdev.2006.02.005

14. Campbell, M. A. (2005). *Cyber bullying: An old problem in a new guise?* *Australian Journal of Guidance and Counseling*, 15(1), 68-76. http://eprints.qut.edu.au/view/publication/Australian_Journal_of_Guidance_and_Counselling.html
15. Mason, K. L. (2008). *Cyber-bullying: A preliminary assessment for school personnel.* *Psychology in the Schools*, 45, 323-348. doi: 10.1002/pits.20301
16. Hinduja, S., & Patchin, J.W. (2009). *Bullying beyond the schoolyard: Preventing and responding to cyberbullying.* Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
17. Nansel, T., Overpeck, M., Pilla, R., Ruan, J., Simons-Morton, B., & Scheidt, P. (2001). *Bullying behaviors among US youth: Prevalence and association with psychosocial adjustment.* *The Journal of the American Medical Association*, 285, 2094-2100. doi: 10.1001/jama.285.16.2094
18. Willard, N. E. (2007). *Cyber-bullying and cyber-threats: Responding to the challenge of online social aggression, threats, and distress.* Champaign, IL: Research Press.
19. Vandebosch, H., & Van Cleemput, K. (2008). *Defining cyber-bullying: A qualitative research into the perceptions of youngsters.* *CyberPsychology & Behavior*, 11, 499-503. doi: 10.1089/cpb.2007.0042
20. Wuensch, Karl L. «What is a Likert Scale? and How Do You Pronounce 'Likert?'». East Carolina University, 2009.
21. Thayer, J.F., Rossy, L. A., Ruiz-Padial, E., & Johnsen, B.H. (2003). *Gender differences in the relationship between emotional regulation and depressive symptoms.* *Cognitive Therapy and Research*, 27, 349-364. <https://doi.org/10.1023/A:1023922618287>
22. Tamres, L.K., Janicki, D., & Helgeson, V.S. (2002). *Sex differences in coping behavior: a meta-analytic review and an examination of relative coping.* *Personality and Social Psychology Review*, 6, 2-30. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0601_1
23. Alvarez-Garcia, D., Nunez, J.C., Dobarro, A., & Rodriguez, C. (2015). *Risk factors associated with cybervictimization in adolescence.* *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 15(3), 226-235. <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2015.03.002>
24. Topcu, C., Erdur-Baker, O., & Capa-Aydin, Y. (2008). *Examination of cyber-bullying experiences among Turkish students from different school types.* *CyberPsychology & Behavior*, 11, 643-648. doi: 10.1089/cpb.2007.0161
25. Kowalski, R. M., & Limber, S. P. (2007). *Electronic bullying among middle school students.* *Journal of Adolescent Health*, 41, S22-S30. doi: 10.1016/j.jadohealth.2007.08.017
26. Nolen-Hoeksema, S., & Hilt, L.M. (2009). *Gender differences in depression.* In I.H. Gotlib & C.L. Hammen (Eds.), *Handbook of Depression* (pp. 386-404). New York: Guilford.

27. Li, Q. (2006). *Cyber-bullying in schools: A research on gender differences*. *School Psychology International*, 27, 157-170. <https://doi.org/10.1177/0143034306064547>

28. Ybarra, M. L., & Mitchell, K. J. (2007). *Prevalence and frequency of internet harassment instigation: Implications for adolescent health*. *Journal of Adolescent Health*, 41, pp189-195. doi: 10.1016/j.jadohealth.2007.03.005

29. Tokunaga, R.S. (2010). *Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyber-bullying victimization*. *Computers in Human Behavior*, 26, 277-287. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2009.11.014>

30. Morton, B., de Mato, M. G., Overpeck, M., Due, P., & Pickett, W. (2009). *A cross-national profile of bullying and victimization among adolescents in 40 countries*. *International Journal of Public Health*, 54, 216-224. <http://www.springer.com/public+health/journal/38>

31. Marini, Z. A., Dane, A. V., Bosacki, S. L., & YLC-CURA. (2006). *Direct and indirect bully victims: Differential psychosocial risk factors associated with adolescents involved in bullying and victimization*. *Aggressive Behavior*, 32, 551-569. doi: 10.1002/ab.20155

32. Информационная грамотность как приоритет Программы ЮНЕСКО

«Информация для всех»: российский взгляд на проблему [Электронный ресурс] // Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества . URL: <http://mcbs.ru/news/item/66>

33. Jolliffe, D., & Farrington, D. P. (2006). *Examining the relationship between low empathy and bullying*. *Aggressive Behavior*, 32, 540-550. doi: 10.1002/ab.20154

34. Гурьянова О. А. Роль семейного досуга в социализации ребенка // *Вестник Казанского гос ун-та культуры и искусств* 2005 №3 С 105-107,

35. Легенина Т. Б. *Гендерная социализация в современной российской семье: социокультурный анализ*. автореф дис канд соц наук. Ставрополь, 2004, 33с.

36. Малкина-Пых, И.Г. *Психология поведения жертвы*. М.: Эксмо, 2006. 1008 с.

37. Силласте Г.Г. *Гендерная социология и российская реальность*. М.: Альфа-М, 2012. 640 с.

38. Щекотуров А. В. *Конструирование подростками виртуальной гендерной идентичности*. Автореф. на соиск. уч.ст канд.соц.н., Нижний Новгород, 2013.

39. **References**

1. Maltseva O.A. *Prevention of cruelty and aggressiveness in the adolescent environment and ways to overcome it* / O.A. Maltsev // *Tyumen State University* - 2009. - № 7. - P. 51-54.

2. Vavrenyuk E.A., Bai E.A. "Psychological violence in the adolescent environment: the problem and methods of solution." - Brest, BrSU, 2012

3. Sobkin B.C., Evstigneeva Yu.M. *Teenager: virtuality and social reality*. М. :

Center of Sociology of Education of the Russian Academy of Education, 2001. Volume VI. Issue X. 156 p.

4. Moore Sophie E., Rosana E. Norman, Shuichi Suetani, Hannah J. Thomas, Peter D. Sly, and James G. Scott. *Consequences of bullying victimization in childhood and adolescence: A systematic review and meta-analysis. World J Psychiatry; 7(1): 60–76.*

5. *Russian statistical yearbook. 2017: Stat.sb./ Rosstat. - M., 2017 - 686s.*

6. Williams, K. R., & Guerra, N. G. (2007). *Prevalence and predictors of internet bullying. Journal of Adolescent Health, 41, pp14-21. doi:10.1016/j.jadohealth.2007.08.018*

7. Makarova E.A., Makarova E.L., Makhrina E.A. *Psychological peculiarities of cyberbullying as a form of Internet crime. Russian psychological journal. M. "Credo", v.13 (3), 2016, p. 293-313*

8. Glazman, O. L. *Psychological peculiarities of the participants in bullying // News of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen. - St. Petersburg, 2009. - No. 105. - p. 159–165.*

9. Grebenkin E.V. *Prevention of aggression and violence in school. Rostov-on-Don: Phoenix, 2006. — 158 p.*

10. *Problems of violence against children and ways to overcome them / Under. ed. E.N. Volkova. SPb .: Peter, 2008, 240 p.*

11. Olweus, D. (1995). *Bullying or peer abuse at school: Facts and intervention. Current Directions in Psychological Science, 4, 196-200. doi: 10.1111/1467- 8721.ep10772640*

12. Wolke, D., Woods, S., Stanford, K., & Schulz, H. (2001). *Bullying and victimization of primary school children in England and Germany: Prevalence and school factors. British Journal of Psychology, 92, 673-696. doi: 10.1348 / 000712601162419*

13. Ostrov, J.M., Crick, N. R., & Stauffacher, K. (2006). *Relational aggression in sibling and peer relationships during early childhood. Applied Developmental Psychology, 27, 241-253. doi: 10.1016 / j.appdev.2006.02.005*

14. Campbell, M.A. (2005). *Cyber bullying: An old problem in a new guise? Australian Journal of Guidance and Counseling, 15 (1), 68-76. http://eprints.qut.edu.au/view/publication/Australian_Journal_of_Guidance_and_Counselling.html*

15. Mason, K. L. (2008). *Cyber-bullying: A preliminary assessment for school personnel. Psychology in the Schools, 45, 323-348. doi: 10.1002 / pits.20301*

16. Hinduja, S., & Patchin, J.W. (2009). *Bullying beyond the schoolyard: Preventing and responding to cyber-bullying. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.*

17. Nansel, T., Overpeck, M., Pilla, R., Ruan, J., Simons-Morton, B., & Scheidt, P. (2001). *Bullying behaviors among US youth: Prevalence and association with psychosocial adjustment. The Journal of the American Medical Association, 285, 2094-2100. doi: 10.1001 / jama.285.16.2094*

18. Willard, N. E. (2007). *Cyber-bullying and cyber-threats: Responding to online aggression, threats, and distress. Champaign, IL: Research Press.*

19. Vandebosch, H., & Van Cleemput, K. (2008). *Defining cyber-bullying: qualitative research into the perceptions of youngsters*. *Cyber Psychology & Behavior*, 11, 499-503. doi: 10.1089 / cpb.2007 .0042
20. Wuensch, Karl L. "What is a Likert Scale? How Do You Pronounce 'Likert?'. East Carolina University, 2009.
21. Thayer, J.F., Rossy, L.A., Ruiz-Padial, E., & Johnsen, B.H. (2003). *Gender differences in the relationship between emotional regulation and depressive symptoms*. *Cognitive Therapy and Research*, 27, 349-364. <https://doi.org/10.1023/A:1023922618287>
22. Tamres, L.K., Janicki, D., & Helgeson, V.S. (2002). *Sex differences in coping behavior: a*. *Personality and Social Psychology Review*, 6, 2-30. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0601_1
23. Alvarez-Garcia, D., Nunez, J.C., Dobarro, A., & Rodriguez, C. (2015). *Risk factors associated with cyber-victimization in adolescence*. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 15 (3), 226-235. <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2015.03.002>
24. Topcu, C., Erdur-Baker, O., & Capa-Aydin, Y. (2008). *Examination of cyber-bullying experiences among Turkish students from different school types*. *Cyber Psychology & Behavior*, 11, 643-648. doi: 10.1089 / cpb.2007.0.021
25. Kowalski, R.M., & Limber, S.P. (2007). *Electronic bullying among middle school students*. *Journal of Adolescent Health*, 41, S22-S30. doi: 10.1016 / j.jadohealth.2007.08.017
26. Nolen-Hoeksema, S., & Hilt, L.M. (2009). *Gender differences in depression*. In I.H. Gotlib & C.L. Hammen (Eds.), *Handbook of Depression* (pp. 386-404). New York: Guilford.
27. Li, Q. (2006). *Cyber-bullying in schools: A research on gender differences*. *School Psychology International*, 27, 157-170. <https://doi.org/10.1177/0143>